

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Эстетика человеческой
дисквалификации

Цель: ознакомиться с теорией эстетики человеческой дисквалификации Тобина Зайберса, увидеть его истоки и проявление в наше время.

Ключевые слова: эстетика, инвалидность, дисквалификация, угнетение, искусство, нацизм.

Мы начинаем разговор, которому будут посвящены две лекции. Речь пойдет о статье Тобина Зайберса «Эстетика человеческой дисквалификации». Тобин Зайберс преподавал английский язык в Мичиганском университете и является автором книг «Зеркало Медузы» (1983), «Эстетика инвалидности» (2010), «Критика холодной войны и политика скептицизма» (1993).

Чтобы претендовать на членство в нормативном человечестве, констатируют Д. Ривкин и М. Райан, люди должны соответствовать определенным требованиям нормативности. Физические недостатки, особенно те, которые принимают форму явных физических различий, противоречат существующим мажоритарным нормам и становятся поводом для дисквалификации людей. Эстетический вкус, следуя идеалу красоты, способствует практике дисквалификации, считает Тобин Зайберс.

Три определения

То, что Тобин Зайберс называет эстетикой человеческой дисквалификации, фокусируется на том, как идеи о внешнем виде вносят вклад в эти и другие формы угнетения. Он утверждает, что такой символизм зависит от эстетических представлений, требующих дальнейшего разъяснения и критики, особенно в отношении того, каким образом индивидуумы дисквалифицируются. Его намерение состоит не в том, чтобы дать теоретическое описание этой проблемы, а в том, чтобы разобрать ряд аналитических примеров из истории человеческой дисквалификации.

Дисквалификация как символический процесс удаляет отдельных людей из рядов качественных человеческих существ, подвергая их риску неравного обращения. То, что люди могут подвергаться насилию, если они не достигают предписанного уровня качества, – это несправедливость, которую редко подвергают сомнению. Тем не менее, хотя мы можем и уже переопределяем то, что мы подразумеваем под якобы «качественными» людьми, мы еще продолжаем считать, что существуют «некачественные» люди и что к ним следует относиться иначе, чем к «качественным» людям.

Т. Зайберс утверждает, что дисквалификация базируется на обвинениях в умственной или физической неполноценности, основанных на эстетических принципах.

Дисквалификация осуществляется путем натурализации неполноценности в качестве оправдания неравного обращения, насилия и угнетения. Снайдер и Митчелл отмечают, что «Подобно дискурсам национальных различий, которые, в свою очередь, подпитывают представления о расовых различиях, инвалидность может стать основой для признания подкласса классификационных систем, основанных на дисквалификации телесных признаков, которые лишают определенных людей их включения в континуум приемлемых вариантов человека». Они утверждают, что инвалидность представляет собой маркер инаковости, который устанавливает различия между людьми не как приемлемые или ценные вариации, а как опасные отклонения.

Дуглас Бэйнтон приводит убедительные примеры из современной эпохи, объясняя, что в течение конца XIX и начала XX веков в Соединенных Штатах идентичность инвалидности дисквалифицировала другие идентичности, определяемые по признаку пола, расы, класса и национальности. Женщины считались низшими существами из-за якобы наличия у них умственных и физических отклонений. Люди с другим цветом кожи имели меньше прав, чем другие, на основе обвинений в биологической неполноценности. Иммигранты были исключены из списка въезжающих в Соединенные Штаты, если они были бедными, больными или не сдали стандартизованные тесты, хотя население, уже проживающее там, было бедным, больным и тоже не сдавшим эти тесты. В каждом случае идентификация инвалидности оправдывала угнетение, усиливая идею о неполноценности, привязанной в качестве ярлыка к другим меньшинствам. Инвалидность – это троп, с помощью которого достигается выражение предполагаемой неполноценности других меньшинств.

Если мы рассмотрим всю сложность дисквалификации людей как низших по признаку их расовых, сексуальных, гендерных или классовых характеристик, мы обнаружим ту же сложность дисквалификации людей как неполноценных по причине ограниченных возможностей.

Эстетика – это область, в которой ощущение инаковости присутствует в своем самом мощном, странном и пугающем виде.

Люди, которые, как считается, испытывают больше удовольствия или боли, чем другие, либо доставляют необычные удовольствия или вызывают боль в других телах, относятся к телам, наиболее подверженным дискриминации, активно исключаемым, независимо от того, это инвалиды, гендерные или расовые тела. Вот почему эстетическая дисквалификация – это не просто вопрос для искусствоведов или директоров музеев, а политический процесс, вызывающий озабоченность у всех нас. Понимание эстетики имеет решающее значение, поскольку оно раскрывает принципы дисквалификации, используемые при притеснении меньшинств.

Угнетение – это систематическая виктимизация одной группы другой. Это форма межгруппового насилия. Угнетение включает в себя «группы», а не «отдельных людей», значит, оно касается идентичности. Кроме того, угнетение всегда фокусируется на том, как выглядит тело в общественном и физическом окружении, а также на его конкретных и различных проявлениях. Угнетение оправдывается чаще всего приписыванием естественной неполноценности – что некоторые называют «встроенной» или «биологической» неполноценностью. Естественная неполноценность всегда соматическая, фокусирующаяся на умственных и физических особенностях группы, и она фигурирует как инвалидность. Прототипом биологической неполноценности является инвалидность. Изучение угнетения требует понимания эстетики – не только потому, что угнетение использует эстетические суждения для проявления насилия, но также и потому, что в истории искусства видны указатели того, как действует угнетение, и открыто обсуждаются эстетические суждения о создании и оценке тел.

Прежде чем перейти к примерам, Зайберс высказывает три мысли.

Во-первых, в любой репрессивной системе нашего времени угнетенная личность представляется каким-то образом в качестве неполноценной, и хотя это трудно понять, тот же процесс получается, когда неполноценность является характеристикой угнетенной идентичности. «Расизм» дисквалифицирует по признаку расы, обеспечивая оправдание неполноценности определенных цветов кожи, родословных и физических особенностей. «Сексизм» дисквалифицирует по признаку пола/гендера как прямого представления о психической и физической неполноценности. Классовая система дисквалифицирует на основе семейной родословной и социально-экономической составляющей как доказательства низшего генеалогического статуса. «Эйблизм» дисквалифицирует на основе умственных и физических различий, стигматизируя инвалидов как неполноценных. Репрессивная система в каждом случае затрагивает тот факт, что дисквалифицированная идентичность является социально построенной, простым соглашением, представляющим признаки некомпетентности, слабости или неполноценности как бесспорные факты природы.

Во-вторых, важно помнить об уроках теории пересечений. Разные теоретики восстанавливают сложный взгляд на индивида и борются против создания иерархий между разными идентичностями.

Межсекторный анализ показывает, что идентичность инвалидности создает основу для дисквалификации в тех случаях, когда другие идентичности меньшинств терпят неудачу, поскольку они, как известно, являются социально сконструированными для целей доминирования. Непонятно, почему инвалидность оказалась настолько эффективным тропом для сохранения возможности угнетения, но одна из причин может заключаться в том, что было чрезвычайно сложно отделить инвалидность от заблуждения, которое предполагает ее как биологический дефект.

Расизм, сексизм и класс медленно отпадают в качестве аргумента человеческой неполноценности, и критика этих предрассудков является мощным примером того, как можно ослабить притеснения. Зайберс верит, что предубеждение в отношении инвалидности будет иметь место только до того момента, когда мы узнаем столько же о социальном конструиро-

вании феномена инвалидности, сколько мы теперь знаем о социальном конструировании расы, класса, пола и сексуальности. В настоящее время инвалидность представляет собой последний рубеж оправданной человеческой неполноценности.

Три аналитических примера

Эстетика человеческой дисквалификации представлена практически во всех сферах человеческого влияния, но, поскольку мир искусства преуспевает в эстетических суждениях и создании предметов искусства, дискуссии о них создают уникальное окно для дисквалифицирующих и квалифицирующих утверждений о человеческом облике, сделанных почти всегда под видом суждений о вкусе.

Каждый из представленных доказательных примеров Зайберта демонстрирует перемещение назад и вперед эстетических суждений между миром искусства и политическим миром, что дает возможность сопоставить действенные принципы, полученные в пересечении эстетики, дисквалификации и угнетения.

Хотя нацисты не стеснялись использовать инвалидность для дисквалификации людей, эти отношения приобрели еще большую прозрачность в заявлениях о мире искусства. Любовь Гитлера к искусству и представление о себе как о художнике – какими бы нелепыми они ни казались – означали, что искусство было предпочтительным средством развития нацистских идей и философии. Это была также область, где мы видим разрабатываемые нацистские идеи о некачественных людях. Конкурс 1937 году между «Великой германской художественной выставкой» и выставкой «Дегенеративное искусство» делает использование эстетической дисквалификации нацистами однозначной, противопоставляя ей положительные и отрицательные концепции человеческих типов.

Выставка «Дегенеративное искусство» подверглась критике нацистов из-за изображения в модернистском изобразительном искусстве «дефектных» людей, а «Великая германская художественная выставка» должна была продемонстрировать превосходство немецких родословных и эстетического вкуса. Цели двух выставок были разными, но их появление в одном и том же году дает возможность увидеть ясную концепцию нацистской системы эстетической дисквалификации.

Работы, включенные в «Великую германскую художественную выставку», избегают представления физического несовершенства и расового разнообразия. Нацисты предъявляли свои претензии на превосходство в представлении красивых и здоровых немецких тел, хотя работы были неотличимы от китча. Проект выставки происходил непосредственно из идей Гитлера об искусстве, о чем свидетельствуют многие публичные заявления. Гитлер рассматривал здоровье и расовую однородность как меру качества людей. Заболевания и инвалидность были его основными дисквалификаторами.

Выставка «Дегенеративное искусство» стремилась настроить публику на нацистское видение эстетики, предлагая отрицательное медицинское воздействие, которое могут иметь инвалиды и расово разнородные люди на немецкое население. В сущности, зрители должны были видеть так называемые дегенеративные работы глазами нацистов, представляя примеры встроенной неполноценности, опыт инвалидности, предваряющий истребление более 200 000 человек с аналогичными характеристиками.

Дегенерация была главным образом медицинским термином, прежде чем Макс Нордау применил его к искусству. Этот термин применялся во второй половине XIX века к людям, которые отошли от норм здоровья из-за генетической разницы, сексуальных привычек, считающихся чрезмерными, или расшатанных нервов. Отталкиваясь от этих различий, нацисты определяли стандарты эстетической красоты. «Дегенеративное искусство» заслужило свое название, по их мнению, потому, что оно включало телесные уродства, налитые кровью глаза, беспомощность и признаки нервного истощения – все отвратительные условия, предположительно вызванные расовым смешением или стрессом современной жизни. Евреи, гомосексуалисты и преступники автоматически считались биологически нижестоящими, и нацисты находили доказательства своих предположений в физических чертах, данных людям в произведениях модернистского искусства.

Работы, запрещенные нацистами как дегенеративные, более узнаваемые по форме и содержанию, чем те, которые были одобрены ими. Следовательно, имеет смысл сосредоточиться на так называемом «Великом германском искусстве». Для Зайберса важно понять эстетику человеческой дисквалификации, а не судить о том, какие объекты являются лучшими произведениями искусства. Эта цель требует внимания к вкладу эстетики в угнетение, то есть к выбору внешнего вида на службе межгруппового или политического насилия.

«Великое германское искусство» формирует эстетический стандарт путем создания конкретного, хотя и мнимого, человеческого типа, основанного на здоровом теле. Этот тип был предложен в качестве нормы, и отклонение от него, как правило, оправдывало дисквалификацию человека и его угнетение. Однако одна из странностей, выявленных с точки зрения учения об инвалидности в отношении эстетики, заключается в том, насколько далекими от реальных и мнимыми представляются незыблемые концепции человеческого тела. Удалите несовершенство из тела, и вы обнаружите идеальный рецепт того, чего не существует в большей части человеческой вселенной. Теоретики проблем инвалидности склонны отмечать, что тела, не имеющие каких-либо недостатков, похожи друг на друга, а инвалидность принимает тысячу уникальных и разных форм. Если сила человеческой природы заключается в ее эволюционном соглашении с вариацией, то нацистское стремление к совершенству, основанное на единообразии, дает результаты, противоречащие законам эволюции. Великое немецкое искусство отказывается от вариации, охватывая идею человеческой формы, характеризующейся преувеличенным совершенством и поразительной регулярностью.

На картине «Отдых Дианы» Иво Залигера, изображено несколько фигур одной и той же модели, и в этом примере условность вытекает из идеологического императива, а именно достижения человеческого совершенства путем подавления индивидуальных вариаций. «Отдых Дианы», – пишет Зайберс, – представляет собой пример жуткого мира, который ищут нацисты, в котором стремление к совершенству отменяет индивидуальность и разнообразие. «Товарищество» Йозефа Торака демонстрирует мужскую версию этого подхода художника.

В отличие от великого германского искусства искусство, обозначенное нацистами как дегенеративное, представляет собой поразительное разнообразие человеческих проявлений. Но более поразительными являются предпосылки, во-первых, того, что это разнообразие есть следствие включения отклонения, а во-вторых, того, что нацисты первыми признали эстетическую центральную роль отклонения в модернистском искусстве. Дело не только в том, что нацисты предпочитали традиционное изобразительное искусство дадаизму или экспрессионизму, или что им не нравились ломаные линии и неестественное использование цвета. Нацисты предпочитали традиционное изобразительное искусство, и они интерпретировали свои стандарты идеального как противоположности отклонению. Техники дадаизма и экспрессионизма деформируют тела, словно изображают инвалидов. Палитра модернизма окрашивает человеческие лица в зелень, желтые и пурпурные цвета, включая обесцвечивание, не отвергая возникающих ассоциаций болезни. Стремление модернистов привлечь внимание к скульптурному качеству краски часто заставляет художников рисовать фигуры, изгибая и скручивая их в анаграммы инвалидности. Более того, внимание модернизма к темам отчуждения, насилия, паники, террора, нервной перегрузки требует открытости по отношению к отклонениям как видимой и сильной символизации этих тем. Люди, страдающие от беспокойства, воющие в страхе или кричащие в ужасе, наполняют модернистские полотна, открыто охватывая ситуации и условия, о которых нацисты думают как о ненормальных и пугающих. Нацисты вели войну против модернистского искусства, потому что они интерпретировали модернизм как изображение отклонений и были в основном правы в своей интерпретации, поскольку модернизм действительно можно назвать движением, которое находит свой самый большой эстетический ресурс в телах, ранее считавшихся нарушенными, большими, ранеными или неполноценными.

Нацисты атаковали модернизм за те самые черты, пишет Зайберс, которые придают ему такую замечательную творческую и преобразующую силу для передачи человеческих душевного состояния, эмоций, подсознания, физических проявлений.

Принципиальным является использование нацистами модернистского искусства для иллюстрации людей, тенденций и условий, называемых дегенеративными. Этот момент нельзя переоценить. Для нацистов модернизм представлял аргумент в пользу медицинского и евгенического отказа от отклонений. Модернистский интерес к новым методам изображения

человеческого облика сочетался с интересом к деформации человеческого тела, неправильного его употребления, разрушительных последствий современной жизни для нервной системы человека. Этот образ становился для нацистов демонстрацией зла и пугал самой возможностью воспроизводства людей с ограниченными возможностями или стоящими ниже в расовой иерархии.

Рассмотрим, предлагает Зайберс, картины «Мулатто» Эмиля Нольде. Само название «Мулатто» служит красной тряпкой для нацистской критики, которая отмечает женщину на портрете как «дегенеративную». Ее неоднородный цвет кожи, переутомление, вьющиеся волосы и узкие глаза свидетельствуют о прирожденной неполноценности с точки зрения нацистского медицинского взгляда. Она демонстрирует для нацистов то, что будет в результате смешения рас, и доказывает необходимость сохранения чистоты немецких родословных.

Нацисты включили «Автопортрет» Людвиг Мейднера в «еврейскую комнату» выставки в качестве доказательства неполноценности еврейского народа, написав на полотне поверх красок слова «еврейский, слишком еврейский». То, что нацисты видели на портрете, и хотели, чтобы другие видели, – это деформированное лицо, уши эльфа, деформированная рука и искривленное тело – все это проявляется в неестественных цветах – похоже, должны были свидетельствовать о биологической неполноценности евреев.

Другая категория, значимая для определения дегенеративного искусства и его опоры на отклонение как маркера дисквалификации, касается антивоенного искусства. Жертвы войны, представленные в модернизме, демонстрируют хрупкость человеческого разума и тела, которые нацисты использовали, чтобы осуждать не войну, а определенные группы населения и расы.

Образы разных народов со всего мира, представленные в модернистском искусстве, демонстрируют открытость человеческим вариациям, которые, тем не менее, поразили сторонников Гитлера как изображения дегенеративных, неполноценных и расово стоящих ниже людей.

Нацисты переосмыслили то, что они видели в модернистском искусстве, и поставили его на службу эстетике человеческой дисквалификации, используя образы, облик и человеческие фигуры в целях угнетения, притеснения и уничтожения, т. е. то, что никогда не предполагали и не вкладывали в свое искусство модернистские художники. Нацисты создали систему дисквалификации, которая оправдывает исключение и геноцид – систему, эстетические принципы которой до сих пор оправдывают угнетение.

Вопросы для закрепления темы:

1. Каким образом эстетические стандарты оказывают влияние на угнетение и притеснение людей с ограниченными возможностями?
2. Как было интерпретировано нацистами творчество модернистских художников?

Литература:

1. Johnson Harriet McBryde. Should I Have Been Killed at Birth? The Case for My Life. – New York Times Magazine. 2003. – February 16. <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9401EFDC113BF935A25751C0A9659C8B63>
2. Nussbaum Martha C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. – Cambridge: Harvard University Press, 2006.
3. Snyder Sharon L., Mitchell T. David. *Cultural Locations of Disability*. – Chicago: University of Chicago Press, 2006.
4. Sax Benjamin, Kuntz Dieter. *Inside Hitler's Germany: A Documentary History of Life in the Third Reich*. – Lexington, Mass: D.C. Heath, 1992.